Светлана Вейр

Хроники академии Спектра

Шепчущие страницы

Хроники Академии Спектра

Светлана Вейр

Хроники Академии Спектра. Шепчущие страницы

«Автор»
2026

Вейр С.

Хроники Академии Спектра. Шепчущие страницы / С. Вейр — «Автор», 2026 — (Хроники Академии Спектра)

Она слышит мёртвых. Её дар - чистая тьма, которую боятся даже родители. Но Алиса Морвейн не хочет прятаться, она поступает в Академию Спектра, чтобы стать боевым магом. Здесь её ждут не только лекции по некромантии, но и ледяная ненависть преподавателя, потерявшего всех из-за тёмного мага. Однако Академия хранит древнюю тайну: в старых книгах появляются пульсирующие символы, студенты теряют сознание, а в подвалах зреет «Забытый ритуал», способный уничтожить грань между мирами.Алиса - ключ к этому ритуалу. Чтобы выжить, ей придётся собрать команду из таких же изгоев, найти все фрагменты заклинания и сделать выбор: стать новой печатью или открыть дверь, за которой даже мёртвые обретут голос.Первый курс - это только начало. Смерть неизбежна, но экзамены наступят раньше.

© Вейр С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Последнее лето 5
Глава 1. Ворота цвета кости 8
Глава 2. Комната в башне 14
Глава 3. Первая лекция профессора Танатоса 18
Глава 4. Полигон и первая стычка 23
Глава 5. Библиотека 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Светлана Вейр
Хроники Академии Спектра.
Шепчущие страницы

Пролог: Последнее лето

Фамильное поместье Морвейнов цеплялось за край скалистого утёса, как старый склеп за память о мёртвых. Чёрный плющ оплетал западное крыло, шпили крыши царапали низкое небо, а с фамильного кладбища, раскинувшегося на заднем дворе, даже в полдень тянуло могильным холодом. Алиса стояла в бальном зале, превращённом сегодня в экзаменационный полигон, и чувствовала, как этот холод струится по позвоночнику, привычный, почти родной. Отец заложил руки за спину. Лорд Алдрик Морвейн, глава департамента посмертной магии, выглядел безупречно: седина на висках, тёмно-серый сюртук без единой складки, на переносице - след от пенсне, которое он водружал на нос только при чтении особо неприятных отчётов. От него пахло старым пергаментом и розмарином - запах, который Алиса с детства ассоциировала с экзаменами.

- Три объекта, - произнёс он, и голос его эхом отразился от мраморного пола. - Мышь, ворон, кошка. Поднять одновременно, удержать минуту, развоплотить без остатка.

Алиса кивнула. Перед ней на полу лежали три маленьких скелетика, собранные специально для тренировки. Мышиные косточки, вороньи крылья, кошачий череп с пустыми глазницами. Она вдохнула, потянулась к дару, и тьма привычно отозвалась изнутри, как старая приятельница, которая никогда не стучится, прежде чем войти.

- Anima ad ossa, - прошептала она, и тёмные нити заклинания устремились к костям.

Первой поднялась мышь. Маленький скелетик дрогнул, встал на лапки, слепо завертел головой и тут же рассыпался костяной пылью, не продержавшись и трёх секунд. Алиса стиснула зубы и перенаправила поток на ворона.

Ворон вскинулся эффектно: щёлкнул клювом, расправил костяные крылья, даже издал скрипучий звук, похожий на карканье. Алиса уже мысленно похвалила себя, и в этот момент ворон рванулся вверх и с размаху врезался в оконное стекло. Раздался треск, на пол посыпались осколки, а ворон, оглушённый, закружил под потолком.

- Контроль, - уронил отец, не повышая голоса.

Алиса сжала кулаки. Кошка. Третий объект. Она перебросила на него почти всю доступную силу, и кошачий скелет поднялся, изящный и жуткий, с плавной грацией живого зверя. Но вместо того чтобы замереть в ожидании команды, кошка развернулась, заметила мечущегося под потолком ворона и прыгнула. Началась погоня: костяная кошка гонялась за костяным вороном по бальной зале, ворон ронял перья, кошка скребла когтями по мрамору, а мышь к этому времени превратилась в горстку серой пыли, которую сквозняк уже разносил по углам.

- Достаточно, - произнёс отец.

Он взмахнул рукой, и оба скелета рассыпались одновременно, освобождённые чужой, куда более уверенной волей. В зале повисла тишина. Алиса не обернулась. Она смотрела в окно, вернее, в то, что от него осталось, и считала про себя до десяти. На счёте «семь» отец заговорил снова:

- Контроль, Алиса. Без контроля ты не студентка. Ты опасность для окружающих.

Она всё-таки обернулась. Встретила его взгляд, усталый, тяжёлый, полный того особого выражения, которое она с детства научилась распознавать: «Я люблю тебя, но боюсь того, что в тебе живёт».

- Я знаю, - сказала она. - Я работаю над этим.

- Недостаточно.

Она хотела ответить резкостью, но тут в дверях возникла мать. Леди Элинор Морвейн, артефактор с безупречной репутацией и создательница половины защитных амулетов, которые носили королевские гвардейцы, вошла с подносом. Чайник, три чашки, имбирное печенье, как будто в бальной зале только что не происходило ничего экстраординарного.

- В Академии научат, - сказала она мягко, ставя поднос на столик у стены. - Алдрик, не дави на неё. Она сильнее, чем ты думаешь.

- Я знаю, насколько она сильна, - глухо отозвался отец. - Именно поэтому я давлю.

За ужином говорили о будущем. Точнее, отец задавал вопросы, мать смягчала формулировки, а Алиса механически ела тушёную баранину и мечтала оказаться где-нибудь в другом месте.

- Ты первая из Морвейнов за сто лет, кто выбрала боевую некромантию, - сказал отец, и в его голосе слышалось всё сразу: гордость, тревога, неодобрение. - Гражданская служба - это стабильность. Департамент посмертных расследований, архивные изыскания, консультации при судах. А боевая магия - это риск. Публичность. Внимание.

- Может, я хочу внимания, - бросила Алиса, не подумав.

Отец отложил вилку.

- Ты - Морвейн. Наше внимание всегда было дурного толка. Твои предки заработали такую репутацию, что мы до сих пор отмываемся. Ты знаешь, чего стоила Короне сделка с твоим прапрадедом? Пять поколений образцовой службы, и до сих пор любой газетчик при слове «Морвейн» вспоминает лорда Эдрика и его подвалы.

- Я не Эдрик, - тихо сказала Алиса.

- Нет. Ты - его наследница. С его даром. И каждый твой шаг в Академии будут разглядывать под лупой.

Мать положила ладонь поверх отцовской руки, единственный жест, который мог заставить его замолчать.

- Поэтому ты и справишься, - сказала она, глядя на Алису. - Ты всю жизнь живёшь с этим. Ты готова лучше, чем тебе кажется.

Алиса хотела ответить что-то язвительное, но слова застряли в горле. Она молча кивнула и доела баранину.

Ночью она стояла у окна своей спальни и смотрела на фамильное кладбище. Ровные ряды надгробий, тёмные силуэты склепов, старая тисовая аллея, всё это было знакомо с детства, как старая книжка с картинками. И, как всегда, кладбище говорило. Шёпот мёртвых Алиса слышала с пяти лет. Сначала это был просто шум - неразборчивый, пугающий, от которого она просыпалась в слезах и бежала к матери. Потом - слова. Обрывки имён, дат, сожалений. Мёртвые Морвейны, упокоенные в фамильных склепах, редко говорили что-то осмысленное. Чаще это были эмоции: тоска, обида, изредка - злость. Прабабушка, умершая за сто лет до рождения Алисы, однажды отчётливо произнесла её имя, и это было первым, что Алиса услышала в своей жизни отчётливее голоса матери. Отец считал это даром. Мать - особенностью, с которой нужно научиться жить. Сама Алиса долгое время считала это проклятием, пока не поняла, что к шёпоту можно привыкнуть. Что он, как прибой: если не бороться с волнами, они перестают сбивать с ног.

Но сегодня шёпот был другим. Среди привычных вздохов и бормотания она разобрала новое слово. Не имя. Не обрывок фразы. Что-то, чего она никогда не слышала раньше. Слово, звучавшее как заклинание, хотя она не могла его произнести. Оно скользило по границе сознания, как тень по стене, и исчезало, стоило попытаться в него вслушаться.

Алиса стояла у окна долго. Очень долго. Пока за окном не сгустился окончательный мрак и даже голоса мёртвых не затихли, словно прислушиваясь к чему-то вместе с ней. Она закрыла шторы, задула свечу и легла в постель. Где-то вдалеке пробили часы на башне. Новый день. На месяц ближе к тому, что изменит всё.

Последняя мысль перед тем, как провалиться в сон без сновидений, редкая удача для того, кто слышит мёртвых: *Кто я на самом деле? Наследница позора или будущее рода? Через месяц я покину этот дом и узнаю ответ.*

Глава 1. Ворота цвета кости

Карета громыхала по старому тракту, и каждый ухаб отдавался в позвоночнике. Алиса поморщилась, в который раз поправив дорожный плащ, сползавший с плеча. Она ехала одна. Родители остались в столице: отец - разбирать какой-то запутанный случай осквернения склепа, мать - доделывать партию защитных амулетов для гвардии. Никто не сказал этого вслух, но Алиса понимала: её отпустили сознательно. Хотят, чтобы первый шаг она сделала сама. Или просто не хотят видеть, как она его сделает. Морвейны никогда не умели провожать красиво.

За окном проплывали поля, перелески, редкие хутора. Осень только начинала золотить кроны, но в воздухе уже стоял тот особый запах прели, влажной земли и дыма далёких костров, от которого у Алисы всегда сжималось сердце. Она рассеянно теребила край перчатки и повторяла про себя отцовские наставления, заученные наизусть, как молитва, от которой не легчает. «Не выделяйся. Не показывай полную силу. Сначала пойми, кто тебя окружает».

Лорд Алдрик Морвейн произнёс это накануне вечером, стоя в дверях её спальни. В одной руке - потухшая трубка, в другой - томик «Этического кодекса некроманта», который он безуспешно пытался ей вручить последнюю неделю. Мать стояла чуть позади, комкая в пальцах платок. Леди Элинор Морвейн, создательница лучших защитных амулетов в королевстве, женщина, способная сплести заклинание, останавливающее удар боевого молота, и она нервничала, отправляя дочь в Академию.

Алиса видела, что матери хочется обнять её, но этикет требовал иного, леди Элинор всегда соблюдала этикет, даже когда никто не смотрел. Алиса сама подошла и обняла её. Коротко. Сдержанно. Так, как было принято у Морвейнов.

- Я справлюсь, - сказала она тогда. И сейчас, в тряской карете, повторила эти слова вслух, пробуя их на вкус.

Справлюсь. Конечно, справлюсь. Я Морвейн. Мы всегда справляемся. Вопрос только - какой ценой.

Она вспомнила прапрадеда. Лорд Эдрик Морвейн. Могущественный некромант, который держал в страхе три графства, пока Корона не предложила ему сделку: отказ от политической власти в обмен на титул и жизнь. «Позор рода» - так называли его в учебниках истории. И одновременно - основатель династии образцовых бюрократов, искупающих его грехи. Пять поколений Морвейнов служили Короне верой и правдой: расследовали убийства, опрашивали духов свидетелей, создавали защитные артефакты. И ни один из них не пошёл в боевую магию. До неё. Алиса не знала, чего в этом решении было больше - бунта, амбиций или усталости. Ей просто надоело прятаться.

Кучер придержал лошадей на повороте, и Алиса выглянула наружу. У неё перехватило дыхание.

Академия Спектра вырастала из скалистого плато, как древний зверь, решивший притвориться архитектурой. Это был не просто замок - это был целый город. Четыре башни - чёрная, белая, серая и цвета старой кости - вздымались по сторонам света, пронзая низкое осеннее небо. Центральный купол переливался в утреннем солнце всеми оттенками магического спектра - от слепяще-белого до глубокого, почти чёрного фиолетового, и Алисе на миг показалось, что камень живёт, дышит, перетекает из цвета в цвет, как масляное пятно на воде. К замку лепились корпуса поновее, галереи, переходы, а вниз, в скалу, уходили подземные ярусы, она знала это, потому что изучала план Академии вдоль и поперёк, пока другие девушки её возраста листали романы.

Над всем этим великолепием вилась лёгкая магическая дымка, похожая на северное сияние, защитный купол, сказала бы мать, очень грамотно сплетённый. Он мерцал, как мыльный пузырь, и Алиса заметила, что в нём преобладают два цвета: золотой - Свет, и фиолетовый

- Тьма. Они не смешивались, но и не враждовали. Текли параллельно, как две реки в одном русле. Равновесие.

Вокруг простирался лес, старый, тёмный, с проплешинами полян. Три озера блестели в низинах, как осколки зеркала, брошенные великаном: одно - голубое, почти светящееся (целебные воды, вспомнила она из путеводителя), второе - зеленовато-серое (стихийный полигон), третье - чёрное, как обсидиан (озеро Тьмы, место силы для некромантов). А дальше, за восточной окраиной, Алиса заметила кладбища. Не одно, не два, целый некрополь, террасами спускающийся к оврагу. Отсюда, с расстояния, она чувствовала его дыхание: холодное, влажное, полное шёпота. Мёртвые здесь говорили громче, чем дома. Намного громче. Словно целый хор, поющий на неизвестном языке.

Алиса закрыла глаза и потянулась к дару, осторожно, как учил отец. Тьма внутри отозвалась глухим гулом, и она тут же захлопнула ментальные створки. Нет. Ещё не время. Сначала - войти. Увидеть. Понять.

«Сначала пойми, кто тебя окружает».

Карета остановилась у главных ворот. Высокие кованые створки были украшены узором в виде весов, на чашах которых покоились солнце и полумесяц - символ Равновесия, древний, как сама магия. По бокам стояли каменные статуи: слева - воин в доспехах с поднятым мечом, справа - маг в балахоне с посохом, увенчанным хрустальным шаром. Обе статуи слегка светились - охранные заклинания. Алиса заметила, как ближайшая статуя чуть повернула голову, провожая взглядом группу старшекурсников, входящих в ворота. Губы каменного воина дрогнули в подобии усмешки.

- Курсант Морвейн? - окликнул её сухой голос.

Распорядитель - пожилой маг в серой мантии с нашивками артефакторского факультета, стоял у входа с планшетом в руках. У него было лицо человека, который повидал столько абитуриентов, что они слились для него в одну бесконечную череду: бледные, взволнованные, самоуверенные, испуганные, все одинаковые в своей нервной дрожи. Он сверился со списком, кивнул и указал в сторону арки из белого камня, увитой плющом. Плющ, заметила Алиса, тоже был магическим: листья чуть заметно светились и поворачивались к солнцу, как живые.

- Врата Спектра. Проходите. Следующая.

Алиса замерла. Она знала, что это будет. Знала, и всё равно сердце сбилось с ритма. Врата Спектра были не просто испытанием. Это был вердикт. Приговор, который выносился публично, при всех, без права на апелляцию. Ей было пять, когда отец впервые рассказал о них. «Твой дар определят, Алиса. Не ты сама, не твои родители, не Комиссия. Врата никогда не ошибаются. И никому ещё не удавалось их обмануть». Она помнила, как он запнулся тогда и не сказал самого главного. Что Врата не только определяют дар. Они объявляют его миру. И от того, что они покажут, зависит, как на тебя будут смотреть всю оставшуюся жизнь.

Очередь абитуриентов тянулась через внутренний двор, такие же первокурсники, как она, нервно переминающиеся с ноги на ногу, вцепившиеся в свои сумки и свитки. Светлые, тёмные, будущие стихийники, артефакторы, целители, менталисты, пока ещё единая, пёстрая толпа, не разделённая факультетскими барьерами. Кто-то смеялся слишком громко, пряча страх. Кто-то, наоборот, сжался в комок, перебирая в пальцах амулет-оберег. Высокий парень с пепельными волосами рассказывал анекдот, судя по обрывкам, про лича и три гроба, и компания вокруг него нервно хохотала. Девушка с белыми, почти светящимися волосами стояла одна, закрыв глаза и шевеля губами: молилась.

Алиса встала в конец очереди и принялась ждать. Первым через арку прошёл пепельноволосый парень. Створки мягко засветились жёлтым, с оранжевыми искрами. Огонь и значительная мощность. Толпа одобрительно загудела. Парень вышел из арки с ухмылкой и картинно поклонился, как актёр на сцене. Второй, миниатюрная девушка в огромных очках, зажгла зелёные и голубые сполохи. Артефакторика, смещение к Свету. Девушка поправила очки и

деловито зашагала к столу распорядителя, не глядя по сторонам. Третий, четвёртый, пятый - алхимия, целительство, боевая магия. Арка послушно меняла цвета, вынося каждому свой приговор: белый, серебристый, синий, серый, янтарный.

Алиса подошла ближе. Теперь она видела Врата в деталях: белый камень, испещрённый древними рунами, которые слабо мерцали в такт дыханию проходящего. Плющ на арке шевелился, листья поворачивались к каждому абитуриенту, как сотни маленьких зелёных глаз. От Врат веяло холодом, не зимним, а каким-то потусторонним, как от склепа. Алиса знала этот холод. Она жила с ним всю жизнь.

Когда она шагнула к арке, гул толпы затих. Не сразу, а волной, прокатившейся от первых рядов к последним. Она почувствовала это затылком: внезапную тишину, в которой каждый звук - шорох мантии, стук чьего-то сердца, собственное дыхание - становился оглушительно громким. Краем глаза она заметила, как девушка со светящимися волосами приоткрыла глаза и посмотрела на неё с тревогой. Как парень-стихийник перестал ухмыляться и подобрался, словно перед боем. Как распорядитель поднял голову от планшета, впервые за всё время.

Алиса шагнула в арку. Холодок пробежал по коже, Врата сканировали её, ощупывали магическим зрением, и это было похоже на прикосновение ледяных пальцев. Кто-то невидимый заглядывал ей в самую душу, в ту тёмную её часть, которую она сама старалась лишний раз не тревожить. Она чувствовала, как дар внутри неё разворачивается, словно зверь, почуявший внимание, не агрессивно, но настороженно. Тьма в ней узнавала Тьму в камне.

Алиса задержала дыхание. Створки арки стали чёрными. Не тёмно-серыми, не туманно-сизыми, не сумеречно-фиолетовыми. Абсолютно, беспросветно чёрными, с тонкими, пульсирующими серебряными прожилками, похожими на молнии, застывшие в янтаре. Чёрный цвет был глубоким, как беззвёздная ночь в новолуние, а серебро - ярким, почти слепящим, и вместе они создавали узор, которого Врата не показывали уже много десятилетий. Где-то в толпе ахнули. По рядам прокатился шёпот. Сначала тихий, потом - громче, настойчивее.

- Чистая Тьма...

- Серебро... Я думал, это легенда...

- Морвейн, конечно. Кто же ещё.

- Боевая некромантия... Что она здесь забыла?

- Спроси у её папочки. Или у прапрадедушки.

Алиса вышла из арки, чувствуя, как десятки взглядов впиваются ей в спину. Кто-то отшатнулся, она заметила, как девушка с зелёными и голубыми искрами (та самая, в очках) отступила на шаг, прижимая к груди свиток. Высокий стихийник смотрел с любопытством, смешанным с опаской, так смотрят на редкого, но опасного зверя в зоопарке. Девушка со светящимися волосами, наоборот, чуть подалась вперёд, но тут же одёрнула себя. Алиса поймала ещё несколько взглядов: страх, любопытство, презрение, восхищение. Полный набор. Она подняла голову и встретила этот интерес с каменным спокойствием, которое дорого ей стоило. Лицо - маска, плечи расправлены, шаг ровный. *«Не выделяйся, говорил отец. Прости, папа. Я попыталась».*

Распорядитель кашлянул. Даже он, повидавший тысячи абитуриентов, на мгновение задержал взгляд на серебряных прожилках, прежде чем объявить распределение. Его голос прозвучал буднично, но Алиса заметила, как он помедлил перед словами «Тёмный факультет»:

- Факультет Тёмной магии. Специализация - боевая некромантия. Получите значок у кастелянши, корпус три, четвёртый этаж.

Он протянул ей временный пропуск и махнул рукой следующему. Алиса отошла в сторону, сжимая в пальцах листок с назначением, и только тогда позволила себе выдохнуть. Воздух вышел из лёгких с присвистом. Её распределили. Её не отвергли. Она - студентка. Впервые в жизни она не «наследница позора», не «потомок Эдрика», не «девочка с тёмным даром». Она - курсант Морвейн. И это звание ей дали не по наследству. Откуда-то слева раздался смех -

нервный, захлёбывающийся. Алиса повернулась и увидела парня с белой нашивкой целительского факультета на вороте: светлые волосы, веснушки, значок в виде кадуцея. Он смеялся не над ней, над собственной шуткой или над чьей-то репликой, но, встретившись с ней взглядом, вдруг осёкся и поспешно отвёл глаза. Не со страхом, с неловкостью, как будто его застали за чем-то неприличным. Алиса не удивилась. Она привыкла.

В кастелянской - тесной комнатке, пропахшей воском и старой тканью, пожилая женщина с усталым лицом выдала ей два комплекта формы (чёрная мантия с серебряным кантом, повседневная и парадная), значок факультета и ключ от комнаты. Значок - серебряная лилия на чёрном поле, символ Тёмного факультета, выбранный, как гласила легенда, самим Архимагом Урсулом. Лилия была стилизована под старину: шесть лепестков, три из которых - серебряные, три - из чёрного металла, настолько тёмного, что он, казалось, поглощал свет. Ключ был старый, латунный, с бороздками, нанесёнными магическим способом: они слабо мерцали, если поднести ключ к глазам.

- Общежитие в тёмной башне, - монотонно проговорила кастелянша, не поднимая глаз. - Четвёртый этаж, комната четыреста двенадцать. Соседка уже там. Если что-то пойдёт не так, обращаться не ко мне, а к коменданту. Следующий.

Она взяла вещи и вышла в коридор. Тёмный факультет встречал её тишиной и холодом. Башня, сложенная из тёмно-серого камня, поднималась на шесть этажей, увенчанная шпилем с флюгером в виде летучей мыши. На карнизах сидели горгульи, настоящие, магически оживлённые, судя по тому, как одна из них повернула голову и проводила Алису долгим, немигающим взглядом. Глаза у горгульи были из зелёного стекла и слабо светились в полумраке. Алиса подавила желание помахать ей рукой. Внутри пахло старым камнем, воском и чем-то ещё, едва уловимым, как запах сухих цветов или старой кожи. Так пахла магия смерти, когда ею пользовались долго и аккуратно. Стены были увиты тёмными гобеленами с изображениями некромантов прошлого: вот Архимаг Урсул запечатывает прореху между мирами, вот лорд Эдрик Морвейн (она невольно замедлила шаг) стоит перед Королевским советом, художник изобразил его с пронзительными, почти светящимися глазами и тонкой, как лезвие, улыбкой. Вот неизвестный маг поднимает костяного дракона. Под каждым гобеленом была строка из «Этического кодекса», вытканная серебряной нитью. «Не поднимай без цели». «Не удерживай дольше необходимого». «Чти волю усопших».

Алиса провела пальцем по серебряным буквам. Ей было пять, когда она впервые прочитала этот кодекс. Семь, когда выучила наизусть. Десять, когда поняла, что кодекс написан не для того, чтобы ограничить некромантов, а для того, чтобы защитить их от самих себя. «Смерть сильнее вас, - говорил отец, цитируя Урсула. - Она была здесь до вас и будет после. Учитесь у неё, а не пытайтесь её победить».

Кабинет профессора Танатоса находился на третьем этаже, в конце длинной галереи. Дверь была чёрного дерева с бронзовой ручкой в виде костяной кисти, сжимающей шар. Алиса постучала, звук вышел неожиданно глухим, поглощённым магией, и, дождавшись спокойного «Войдите», толкнула дверь.

Профессор оказался именно таким, каким она его представляла, и одновременно совершенно иным. Древний лич. Ходячий скелет в поношенной мантии, с костяными пальцами, унизанными серебряными перстнями. Кости его были желтоватыми, как старая слоновая кость, и покрытыми тонкой сетью магических письмён, едва заметно светившихся зелёным. Челюсть чуть скошена, то ли от старости, то ли от давнего боевого перелома. В пустых глазницах плясали зелёные огоньки, умные, внимательные, с искоркой иронии. На кафедре перед ним стояла чашка чая с бергамотом, прислонённая к грудной клетке учебного скелета, застывшего в роли подставки.

- Алиса Морвейн, - произнёс он скрипучим, но приятным голосом, не глядя в бумаги. - Ваш дед учился у меня. Надеюсь, вы не повторите его ошибок.

- Каких ошибок? - спросила она, не удержавшись.

Профессор поднял на неё взгляд. Зелёные огоньки чуть прищурились, и Алисе на миг показалось, что он улыбается, хотя как может улыбаться тот, у кого нет губ?

- Он старался быть незаметным. Был вежливым, тихим, сдавал все работы в срок. Преподаватели его хвалили. А потом, на пятом курсе, попытался провести ритуал, к которому был не готов, и чуть не обрушил половину восточного крыла, - Танатос помолчал, постучал костяным пальцем по краю чашки. - Незаметный некромант - мёртвый некромант. Не обязательно в прямом смысле. Но чаще всего - да. Учитесь быть заметной правильно.

Он взял со стола её документы, перебрал их с неожиданной аккуратностью, костяные пальцы двигались плавно, как у живого.

- Ваш дар силён. Очень силён. Это не комплимент, это предупреждение. Чем ярче светишь, - он усмехнулся собственной шутке, - тем больше желающих тебя использовать. Или погасить. Учитывая вашу наследственность, первое вероятнее, но второе неприятнее, - он протянул расписание.

Алиса взяла расписание. Профессор уже отвернулся к чашке, давая понять, что аудиенция окончена. Учебный скелет-подставка, до того неподвижный, чуть качнул черепом, то ли приветственно, то ли осуждающе.

- И, Морвейн, - добавил Танатос, не оборачиваясь, - добро пожаловать в Академию. Постарайтесь, чтобы ваше пребывание здесь не потребовало ремонта.

В дверях Алиса почти столкнулась с высоким мужчиной. Он стоял в коридоре, опершись плечом о стену, и что-то негромко обсуждал с деканом стихийного факультета, невысоким магом в синей мантии, чьё имя она не знала. Когда Алиса вышла, мужчина обернулся. Он смотрел на Алису. Не мельком, не случайно, а прямо, изучающе, задержав взгляд на значке факультета на её вороте. Лилия на чёрном поле. Некромант. Алиса почувствовала, как в груди поднимается холод. Не страх, что-то другое. Инстинктивное узнавание. Так зверь чует зверя. Она видела этот взгляд раньше, у людей, которые слышали фамилию «Морвейн» и сразу представляли подвалы, зомби и древние проклятия. Но здесь было что-то глубже. Не просто предубеждение. Тень давней, незажившей раны. Так смотрит человек, который однажды обжёгся о Тьму, и теперь видит её повсюду, даже там, где её нет.

- Это и есть Морвейн? - спросил декан стихийного, понизив голос. Алиса всё равно услышала: у Тёмной башни была хорошая акустика, или, может быть, магия усиливала звуки. - Я думал, она будет... старше.

- Распределение только что прошло, - ровно ответил мужчина. - Ректор предупреждал. Я видел результаты Врат.

- Чёрный с серебром? - декан присвистнул. - Как в старые времена.

- Именно поэтому я буду следить за ней особенно внимательно.

Он не сказал «присматривать». Он сказал «следить». И от этого слова у Алисы внутри что-то сжалось. Она прошла мимо, не опустив глаз. Мужчина ничего не сказал ей, только проводил взглядом, и этот взгляд впивался в затылок, пока она не скрылась за поворотом лестницы. Она ещё не знала его историю. Не знала про «Серебряные клинки», элитный отряд, попавший в засаду. Не знала про некроманта-ренегата, использовавшего тёмную магию с такой жестокостью, что об этом до сих пор говорили шёпотом. Не знала, что этот мужчина потерял всё, что любил, по вине того, кто владел её магией. Но она почувствовала достаточно: её уже осудили. Ещё до того, как она успела сказать хоть слово. До того, как она что-либо сделала. Просто за то, что она - Морвейн. За то, что её дар - чёрный с серебром. И это, поняла она, только начало.

На четвёртом этаже, у двери с номером 412, она остановилась перевести дух. Сердце колотилось от злости, не от страха. Она прислонилась лбом к холодному камню стены и при-

крыла глаза. Перед мысленным взором всё ещё стояло лицо мужчины - холодное, замкнутое, с тенями под глазами, которые она заметила, но ещё не могла истолковать. «Я буду следить за ней особенно внимательно». Что ж, пусть следит. Она не сделала ничего плохого. Она не собирается делать ничего плохого. И если он ожидает, что она будет оправдываться за свой дар, он ошибается. Она слишком долго оправдывалась. Алиса отлепилась от стены, вставила ключ в замочную скважину и повернула. Дверь открылась бесшумно.

Комната была просторной, с двумя кроватями, двумя письменными столами и большим окном, выходящим на внутренний двор. На одной из кроватей уже лежала дорожная сумка, соседка прибыла раньше. Сама соседка отсутствовала, но о её присутствии красноречиво свидетельствовала заделанная магией дыра в полу, судя по размеру, в неё мог провалиться человек, и лёгкий запах гари, витавший в воздухе. Алиса медленно перевела взгляд с дыры на сумку, потом обратно. Она прошла к свободной кровати, бросила на неё сумку и села, не раздеваясь. За окном сгущались сумерки. Где-то далеко, на полигоне боевого факультета, слышались отзвуки заклинаний, приглушённые хлопки, свист, чей-то далёкий крик. Мёртвые за стенами Академии шептали что-то на своём невнятном языке, и среди их голосов ей снова почудилось то самое слово, странное, ускользающее, которое она впервые услышала дома, у фамильного кладбища.

Алиса легла поверх одеяла и закрыла глаза. Первый день в Академии остался позади. Впереди её ждали друзья, которых она ещё не встретила, враги, которых она уже нажила, и тайна, которую ей предстояло разгадать. Но сейчас, в этот краткий миг тишины между прошлым и будущим, она позволила себе просто быть. Просто Алисой. Просто студенткой. Просто тем, кем она хотела стать.

«Кто я на самом деле? - спросила она себя мысленно. - Наследница позора или будущее рода?»

Ответа пока не было. Но он где-то здесь, в этих стенах, среди этих книг и этих людей. Осталось только найти. И она найдёт.

Глава 2. Комната в башне

Алиса не успела додумать, кто же её соседка и насколько серьёзно стоит отнестись к дыре в полу, заделанной магией, когда дверь распахнулась с таким грохотом, словно в неё врезали тараном. В комнату ввалилась девушка, волоча за собой огромный деревянный ящик, обитый медными полосами и мелко подрагивающий от скрытой внутри магической активности. Ящик зацепился углом за косяк, девушка дёрнула его с силой, достойной боевого голема, и в следующую секунду споткнулась о порог, выпустила ящик из рук и растянулась на полу, а из ящика каскадом посыпались шестерёнки, пружины, медные трубки, стеклянные колбочки и что-то, издающее тонкий, обиженный писк.

- Если что-то взорвётся - это не я, это атмосфера! - жизнерадостно заявила девушка, даже не пытаясь подняться. Она лежала на спине, раскинув руки, и смотрела в потолок с выражением человека, для которого падения такая же часть рабочего процесса, как завтрак.

Алиса медленно перевела взгляд с неё на дыру в полу, потом обратно. Дыра зияла ровно посередине комнаты, затянутая полупрозрачной магической плёнкой, под которой угадывалась тёмная пустота, уходящая далеко вниз.

- Это ты… - начала Алиса, но девушка уже вскочила, отряхивая мантию, с которой во все стороны летели мелкие металлические опилки, и сунула ей ладонь для рукопожатия. Ладонь была в машинном масле, с короткими ногтями и крошечными шрамами на подушечках пальцев, следами ожогов и порезов.

- Мира Фэрроу! Третьекурсница, факультет Артефакторики, староста курса. Гениальный изобретатель, скромный гений и твоя соседка. А ты - Алиса Морвейн, некромант. Я в восторге!

Алиса моргнула. Она только что прибыла, её имя ещё не значилось ни в одном списке, кроме регистрационного, а эта рыжая девчонка уже знала, кто она.

- Откуда ты…

- Врата Спектра! - выпалила Мира, подхватывая с пола ближайшую шестерёнку и любовно её осматривая. - Чёрный с серебряными прожилками, такого не было полвека. Я как раз тестировала новый акустический усилитель для подслушивания лекций, когда услышала шум во дворе. Ну, знаешь, толпа ахает, все шепчутся. Чистая Тьма, говорят. Морвейн! Я сразу поняла, надо знакомиться. А когда узнала, что ты будешь в моей комнате… - она прижала шестерёнку к груди. - Это судьба!

Алиса не знала, плакать ей или смеяться. Она оглядела Миру с ног до головы. Та была невысокой, плотного телосложения, с сильными руками, на которых, как она уже заметила, красовался кожаный браслет с крошечными отвёртками, вставленными в петельки. Форменная мантия Артефакторики цвета меди была в пятнах от машинного масла, сажи и каких-то фиолетовых реактивов. Вьющиеся рыжие волосы, заплетённые в четыре косички, к концу дня уже растрепались и торчали в стороны. На круглом лице, между ямочками на щеках, сияли веснушки, а карие глаза с золотыми искрами горели таким энтузиазмом, что рядом с ней, наверное, можно было зажигать свечи.

- Ты сказала «староста курса», - медленно проговорила Алиса. - Но тебя поселили в башню Тёмного факультета. Разве артефакторам не положено жить в своём корпусе?

- Положено! - радостно подтвердила Мира. - Но после того как я немного… усовершенствовала систему вентиляции в артефакторской башне, комендант сказал, что «перераспределение жилого фонда пойдёт на пользу структурной целостности здания». Он имел в виду, что меня выселили. Временно. На неопределённый срок. А Тёмный факультет, единственный, где ещё оставались свободные комнаты, - она ничуть не выглядела расстроенной. - Но это даже к лучшему! Тёмная магия - идеальный источник энергии для моих экспериментов. И у меня ещё не было соседа-некроманта. Ты не представляешь, какой потенциал!

- А это? - Алиса указала на заделанную магией дыру в полу.

Мира проследила за её взглядом и неопределённо пожала плечами:

- Неудачный опыт с автоматической глажкой мантий. Я работаю над версией два-ноль. Видишь ли, проблема была в стабилизаторе давления, он решил, что глажка и прожигание дыры на три этажа вниз - это одно и то же. Очень самоуверенный стабилизатор. Но я его переделала. Почти.

- Три этажа, - повторила Алиса.

- Вообще-то четыре, если считать подвал. Но подвал, это уже лаборатория профессора Танатоса, а он сказал, что не имеет претензий, если я помогу ему с сортировкой старых костей. Так что всё в порядке! - Мира просияла, как будто только что сообщила не о проломе в четырёхэтажной дыре, а о выигрыше в лотерею.

Алиса закрыла глаза, досчитала до пяти и открыла снова. Дыра никуда не делась. Мира тоже.

- Давай я помогу тебе с вещами, - предложила Мира, уже подхватывая её дорожную сумку. - А потом покажу, где лучше не наступать, пока я не закончу ремонт. Идёт?

Идти на самом деле никуда не пришлось, комната была не такой уж большой, но Мира всё равно устроила экскурсию. Буквально за десять минут она показала, где спрятаны её «текущие проекты» (под кроватью, в шкафу, за занавеской и, Алиса чуть не поперхнулась, в вытяжной трубе камина), объяснила, что «вот это» жужжит, но не кусается, «а это» кусается, но только если его не погладить, и с гордостью продемонстрировала экспериментальный артефакт, похожий на самовар, скрещённый с астролябией.

- Это, - сказала Мира, нежно поглаживая устройство, - прототип Демы.

- Чего?

- Детектора магических аномалий! Пока он только пищит и иногда дымится, но я доработаю. Представь: ты идёшь по Академии, а он тебе - пик-пик! И ты знаешь, что за углом нестабильное заклинание или остаточный некротический след. Полезно, правда?

- Полезно, - осторожно согласилась Алиса. - Если он не дымится.

- Это временно!

Мира тем временем уже раскладывала свои вещи, вернее, раскладывала их с той же энергией, с какой до этого их разбрасывала. Ящик с деталями она подтащила к своему столу, который, как выяснилось, одновременно служил верстаком: на нём уже стояли тиски, лупа на шарнире и какая-то сложная система зеркал. Свободного места на столе почти не было, но Миру это не смущало, она просто водрузила лампу на стопку книг, а книги, на перевёрнутый ящик.

Алиса, более организованная по природе, начала раскладывать свои вещи. Немногочисленные, но дорогие. Фамильный амулет, подарок матери, лёг на прикроватную тумбочку. Это была изящная серебряная капля с вкраплениями чёрного обсидиана внутри: леди Элинор создала его специально для дочери, и он должен был помогать фильтровать шёпот мёртвых. Пока что он не слишком справлялся, но Алиса верила, что в Академии научится использовать его правильно. Блокнот в кожаном переплёте, исписанный формулами, занял место в ящике стола под ключом. Учебник по некромантии, старый, потрёпанный, доставшийся ей от отца, лёг на стол, рядом с томиком «Этического кодекса». Томик был зачитан до дыр, и кое-где на полях ещё сохранились пометки, сделанные рукой лорда Морвейна в его студенческие годы. Алиса провела пальцем по знакомым строчкам и на мгновение ощутила укол тоски по дому.

- Ух ты, - раздалось над ухом. Алиса вздрогнула. Мира уже стояла рядом, бесцеремонно заглядывая через её плечо. - Это что, настоящее издание «Этического кодекса» Урсула? Не перепечатка, а из архива?

- Да. Отец подарил.

- И ты будешь жить в одной комнате со мной? - В голосе Миры прозвучало почти религиозное благоговение. - Ты некромант из Морвейнов, у тебя настоящий Урсул, а у меня - четыре

этажа дыры. Знаешь что? Мы либо станем лучшей командой в Академии, либо случайно её разрушим. Я за оба варианта.

Алиса не выдержала и усмехнулась. Усмешка вышла кривоватая, но искренняя.

- Начинай с первого варианта, - сказала она. - До второго мы ещё дойдём, но давай хотя бы сначала сдадим первую сессию.

Мира расхохоталась. Смех у неё был заразительный, громкий и совершенно не вязался с мрачной атмосферой башни. Где-то за стеной кто-то недовольно зашикал, наверное, другой студент, пытавшийся уснуть, но Мира только махнула рукой.

- У тебя тут уютно, - сказала Алиса, подбирая слово.

- У тебя тоже будет уютно, - пообещала Мира. - Череп на тумбочку, и сразу станет как дома.

- У меня нет черепа.

- Я могу сделать! - Мира подскочила на месте. - У меня есть заготовка. Почти настоящая. В смысле, артефактная, но выглядит как костяная. Она светится в темноте и рассказывает анекдоты.

- Анекдоты? - Алиса приподняла бровь.

- Ну, пытается. Я работаю над чувством юмора. Пока получается плохо. Но если ты будешь тестировать, может, натренируется!

Алиса представила себе светящийся череп, рассказывающий анекдоты посреди ночи, и неожиданно для себя рассмеялась. Смех получился короткий и немного удивлённый, словно она сама не ожидала, что способна смеяться сегодня.

Они проговорили ещё около часа. Вернее, говорила в основном Мира, Алиса вставляла короткие реплики и постепенно привыкала к тому, что рядом кто-то есть. Это было странно. Дома у неё была своя комната, и она привыкла к одиночеству, особенно по ночам, когда единственными собеседниками становились мёртвые. А тут живой человек, который не боялся её, не осуждал и, кажется, искренне радовался тому, что будет с ней жить.

- Почему ты не боишься? - спросила Алиса, когда Мира на минутку замолчала, переводя дыхание. - Я некромант. Чистая Тьма. Большинство светлых шарахаются.

- Я артефактор, - пожала плечами Мира так, словно это всё объясняло. - Мне интересно, как оно работает, а не какого оно цвета. Если твоя Тьма может подпитать артефакт или остановить разложение - это же гениально! Страх - это для тех, кто не понимает механику. А я понимаю. Или хочу понять, - она помолчала, постучала гаечным ключом по столу. - К тому же у меня аллергия на предрассудки. Чихаю от них. Буквально.

- Буквально?

- Один раз чихнула так, что сшибла книжную полку. С тех пор стараюсь не чихать.

Алиса снова усмехнулась. Эта девушка, кажется, была ходячей катастрофой, но в её хаосе чувствовалась какая-то своя, особая логика. Алисе это нравилось. Несмотря на дыру в полу.

Алиса легла на кровать, не раздеваясь, и закрыла глаза. Шёпот мёртвых здесь, в башне, был громче, чем дома. Она слышала его сквозь камень стен, неразборчивый, далёкий, но настойчивый. Как шум моря в раковине. Только море было мёртвым, а раковиной - вся Академия. Но сегодня это не мешало. Шёпот звучал тише, чем утром, - возможно, потому что мысли были заняты другим. Мира, которая не испугалась. Танатос. Мужчина и его странный взгляд. И завтрашний день, первый учебный день в её жизни.

- Мира, - сказала она, не открывая глаз.

- А? - отозвалась та.

- У тебя правда есть заготовка для черепа?

- Ага! С анекдотами. Только анекдоты несмешные.

- Давай его сюда. Всё равно на тумбочку нечего поставить.

Мира просияла так, будто ей предложили королевскую награду. Она нырнула под стол, извлекла оттуда что-то округлое, завёрнутое в ткань, и торжественно водрузила на тумбочку Алисы. Череп был артефактным, костяным с виду, но с тонкими металлическими вставками по бокам. В пустых глазницах горел слабый зелёный огонёк, уютный, как ночник.

- Привет, - сказал череп скрипучим голосом. - Знаешь анекдот про некроманта и скелета?

- Нет, - сказала Алиса.

- Я тоже. Я его забыл. Но было смешно.

Мира развела руками с виноватым видом.

- Говорю же - работаю над чувством юмора.

Алиса посмотрела на череп, на Миру, на заделанную дыру в полу, и вдруг поняла, что улыбается. Широко, искренне, впервые за день.

- Это будет интересный год, - сказала она.

- Это будет отличный год, - поправила Мира.

За окном гудел ветер, в углу что-то тихо искрило, а на тумбочке мигал зелёным артефактный череп, безуспешно пытающийся вспомнить анекдот. Алиса лежала в постели и смотрела в потолок, на котором дрожали тени от магических фонарей. Завтра - первая лекция. Завтра - новые лица, новые предметы, новые вызовы.

«Кажется, у меня только что появился друг», - подумала она и закрыла глаза. Шёпот мёртвых стал ещё тише, словно они тоже решили дать ей поспать.

Глава 3. Первая лекция профессора Танатоса

Алиса проснулась затемно, то ли от непривычного холода, тянувшегося из заделанной магией дыры в полу, то ли от того, что артефактный череп на тумбочке в очередной раз пробормотал: «Знаешь анекдот про некроманта и скелета?.. Забыл». Она полежала минуту, глядя в потолок и прислушиваясь к шёпоту мёртвых за окном. Сегодня он звучал тише обычного, то ли амулет начал работать, то ли мозг, перегруженный вчерашними событиями, просто отключил лишний канал. Мира дрыхла на своей половине комнаты, свернувшись калачиком поверх груды чертежей, и даже не пошевелилась, когда Алиса встала, умылась ледяной водой из кувшина и начала одеваться.

Форма сидела идеально. Алиса провела ладонью по чёрной мантии, разгладила серебряный кант, проверила, как лежит фамильный герб - серебряный череп, обвитый лавровой ветвью. С детства приученная к безупречности, она терпеть не могла небрежности ни в чём, что касалось публичного облика. «Твой дар - это инструмент. Будь безупречна, чтобы не дать повода для упрёков». Отцовский голос звучал в голове так отчётливо, словно лорд Морвейн стоял за плечом. Алиса тряхнула головой, отгоняя непрошеное эхо, закрутила волосы в тугой низкий пучок и вышла в коридор.

Тёмная башня утром выглядела иначе, чем вечером. Вчера она казалась мрачной и пугающей. Сегодня, залитая бледным сентябрьским солнцем, льюшимся сквозь узкие стрельчатые окна, она была скорее величественной. Гобелены на стенах чуть заметно светились, строки Этического кодекса, вытканные серебром, поблёскивали в утренних лучах. Горгулья на карнизе, мимо которой Алиса проходила, проводила её взглядом зелёных стеклянных глаз и, кажется, подмигнула. Или это просто солнечный блик.

Большая аудитория Тёмного факультета находилась на втором этаже, в конце длинной галереи. Двери были распахнуты, и внутри уже собирались студенты. Алиса вошла и на мгновение остановилась на пороге, оценивая обстановку. Аудитория была огромным амфитеатром, уходящим вверх на добрых десять рядов. Стены, сложенные из того же тёмно-серого камня, что и вся башня. Потолок терялся в полумраке, но Алиса знала, что там, под самым сводом, нарисована карта магического спектра, от абсолютного Света до абсолютной Тьмы, с серебряными прожилками на границе. Она видела её на гравюрах в отцовских книгах. В центре амфитеатра возвышалась кафедра из чёрного дерева, инкрустированная костью, по слухам, костью самого первого декана Тёмного факультета, который завещал свою берцовую кость «на благо образования». Перед кафедрой стоял длинный стол, на котором в ряд были разложены учебные скелеты, штук пять, разной степени сохранности. Один из них, самый целый, лежал чуть поодаль, и именно на его грудную клетку, как успела заметить Алиса, профессор Танатос имел обыкновение ставить чашку с чаем.

Студенты уже расселись. Первокурсников Тёмного факультета было около трёх десятков, Алиса быстро пересчитала, пока спускалась по ступеням к одному из передних рядов. Девушки и юноши в чёрных мантиях с серебряным кантом, все с одинаковыми значками - серебряная лилия на чёрном поле. Но одинаковость была обманчивой. Алиса чувствовала, как от каждого из них исходит собственный, уникальный оттенок Тьмы: у кого-то - холодный, как могильная земля, у кого-то - острый, как осколок кости, у кого-то - едва заметный, приглушённый. Её собственный дар, она знала, ощущался иначе. Ярче. Громче.

Она села в третьем ряду, с краю, достала блокнот и остро заточенный карандаш. Никто не сел рядом, две соседние скамьи остались пустыми. Алиса не удивилась. Вчерашнее представление у Врат Спектра явно разошлось по Академии быстрее, чем она успела дойти до комнаты. Она заметила несколько косых взглядов, услышала приглушённый шёпот: «Морвейн...

серебро... ты видел?..» - и демонстративно раскрыла блокнот на чистой странице, давая понять, что не намерена участвовать в пересудах.

- Доброе утро, - раздался скрипучий голос, и аудитория мгновенно затихла.

Профессор Танатос вошёл в аудиторию бесшумно, хотя, казалось бы, костяные ноги должны были цокать по каменному полу. Но лич двигался с плавностью, совершенно не вязавшейся с его внешностью. Сегодня на нём была не поношенная мантия, как вчера, а тёмно-фиолетовая, расшитая серебряными рунами - парадное облачение декана Тёмного факультета. На костяных пальцах поблёскивали серебряные перстни, в пустых глазницах плясали зелёные огоньки, умные и ироничные. В одной руке он держал чашку с дымящимся чаем, источавшим аромат бергамота, в другой - тонкую указку из полированного дерева, похожую на уменьшенную копию посоха. Он подошёл к кафедре, поставил чашку на грудную клетку самого целого учебного скелета (тот, казалось, даже не шелохнулся - привык), поправил мантию и обвёл аудиторию долгим, изучающим взглядом зелёных огоньков.

- Студенты, - произнёс он, - позвольте представиться: профессор Танатос, декан Тёмного факультета. Для тех, кто не разглядел за вчерашней суетой, уточняю: я лич. Древний. Очень, - он помолчал, давая аудитории переварить информацию. - Это означает, что меня нельзя напугать, подкупить, заболтать или задобрить лестью. Единственное, что вы можете сделать, чтобы заслужить моё расположение, это учиться. Прилежно, вдумчиво и с пониманием того, что некромантия - не цирковое искусство, а дисциплина, требующая дисциплины.

Он взял указку и постучал ею по кафедре. Звук вышел глухой, магически усиленный, от него по аудитории прокатилась волна мелкой дрожи.

- Тема сегодняшней лекции «Этический кодекс некроманта.» - Танатос обвёл аудиторию взглядом. - Вы будете изучать его весь первый год, и многие из вас будут его ненавидеть. А потом, - он выдержал паузу, - вы его полюбите. Или вылетите из Академии. Третьего не дано.

Алиса уже записывала. Быстро, почти не глядя на бумагу, отец научил её конспектировать так, чтобы не упустить ни слова. «Этический кодекс некроманта. Профессор Танатос. Первая лекция. Тема: основные постулаты».

- Кодекс, - продолжал Танатос, прохаживаясь вдоль кафедры, - был составлен Архимагом Урсулом, основателем этой Академии. Не для того, чтобы ограничить некромантов, хотя многие светлые маги до сих пор в этом уверены. Он был составлен для того, чтобы защитить нас от самих себя.

Он остановился, повернулся к аудитории и поднял костяной палец, унизанный перстнями.

- Постулат первый: не поднимай без цели, - зелёные огоньки в его глазницах вспыхнули ярче. - Каждое действие со смертью должно быть оправдано. Прежде чем произнести заклинание поднятия, спросите себя: зачем? Что вы хотите сделать? Какую проблему решить? Если ответ «просто посмотреть, что получится», положите мел обратно на алтарь и выйдите из лаборатории.

По аудитории прокатился нервный смешок. Кто-то на заднем ряду, кажется, как раз и пришёл «просто посмотреть, что получится», потому что смешок был смущённый. Алиса записала: «Постулат 1: целеполагание. Без цели не поднимать».

- Постулат второй: не удерживай дольше необходимого, - Танатос подошёл к столу со скелетами и постучал указкой по черепу ближайшего. - Мёртвые имеют право на покой. Вы подняли нежить для выполнения задачи, прекрасно. Задача выполнена? Развоплотите. Без сожалений, без сантиментов. Чем дольше вы удерживаете сущность на границе, тем сильнее истончается грань. А истончение грани, - он повысил голос, - это не «интересный эксперимент». Это катастрофа. В лучшем случае - локальная.

Алиса записала и это, подчеркнув слово «катастрофа» жирной чертой.

- Постулат третий: чти волю усопших, - Танатос вернулся к кафедре и взял чашку с чаем. Сделал глоток, поставил чашку обратно на грудную клетку скелета. - Если она не угрожает живым. Мёртвые - не ваши слуги. Они - собеседники. Свидетели. Иногда - жертвы. Если дух отказывается говорить с вами, вы не имеете права принуждать его. Если дух просит об упокоении, вы обязаны упокоить. Исключение: если дух представляет угрозу для живых. Тогда нейтрализация. Но всегда с уважением.

Алиса записывала, и с каждой строчкой внутри неё росло странное, давно забытое чувство. Она не могла его сразу назвать. Только когда Танатос перешёл к четвёртому постулату, она поняла: это облегчение. Ей всю жизнь говорили, что её дар - это проклятие, опасность, то, что нужно прятать и контролировать. А здесь, на первой же лекции, ей говорили: твой дар - это дисциплина. У него есть правила. И эти правила - не цепи, а перила. Они не ограничивают, они направляют.

- Постулат четвёртый, - произнёс Танатос, и голос его прозвучал особенно весомо. - Главный грех некроманта - гордыня.

Он замолчал, обводя аудиторию взглядом. Зелёные огоньки медленно переходили с лица на лицо, задерживаясь на каждом студенте на долю секунды.

- Смерть сильнее вас, - его голос упал почти до шёпота, но магия донесла каждое слово до последнего ряда. - Она была здесь до вас и будет после. Учитесь у неё, а не пытайтесь её победить. Победить смерть нельзя. Можно договориться с ней. Можно попросить об отсрочке. Можно зашить рану между мирами. Но победить? - Он покачал черепом. - Нет. Самый могущественный некромант в истории, Архимаг Урсул, не смог победить смерть. Он смог лишь запечатать прореху, которую смерть оставила. И заплатил за это жизнью. Помните об этом, когда вам покажется, что вы - боги.

В аудитории стояла абсолютная тишина. Даже перья скрипели как-то приглушённо. Алиса, не отрываясь, записывала каждое слово, и её карандаш летал по бумаге с такой скоростью, что строчки наезжали одна на другую.

Танатос выдержал паузу, долгую, почти театральную, и вдруг совершенно другим тоном, сухим и будничным, добавил:

- Мёртвые - не игрушки. Они - собеседники. Но если собеседник хамит, имеете право развоплотить. Вежливо.

Аудитория выдохнула. Кто-то нервно рассмеялся, кто-то зааплодировал и тут же осёкся под строгим взглядом зелёных огоньков. Алиса не смеялась, но уголки её губ дрогнули. Она записала и эту фразу, поставив на полях крошечный восклицательный знак.

- А теперь, - сказал Танатос, и в его голосе послышалось что-то похожее на предвкушение, - практическая часть.

Он отошёл от кафедры к столу со скелетами, взял указку и постучал по ближайшему, самому мелкому, кажется, кошачьему.

- Сегодня мы не будем поднимать нежить. Для этого вы ещё слишком сырые. Сегодня мы будем учиться чувствовать.

Он велел всем студентам закрыть глаза и сосредоточиться на собственном даре. Алиса подчинилась, хотя закрывать глаза в присутствии трёх десятков незнакомых некромантов, то ещё удовольствие. Тьма внутри отозвалась сразу, привычно, почти ласково. Но на этот раз Алиса не давила её, не загоняла вглубь. Она позволила ей течь.

- Ваш дар, - голос Танатоса звучал где-то на границе сознания, - это не просто сила. Это чувство. Смерть оставляет следы на предметах, на местах, на людях. Научитесь читать эти следы. Научитесь различать оттенки: насильственная смерть пахнет иначе, чем естественная; смерть от болезни - иначе, чем от оружия; смерть в одиночестве - иначе, чем в толпе.

Алиса слушала и одновременно чувствовала. Она делала это с детства, сама, без учебников. Но сейчас, под руководством того, кто знал о смерти больше, чем кто-либо в этой ауди-

тории, это ощущалось по-другому. Осмысленно. Целенаправленно. Она различала оттенки, которых раньше не замечала: холод меди в смерти от заражения крови, горьковатый привкус паники утопленников, тихое, почти умиротворённое эхо естественной кончины в старческой постели. Аудитория вокруг неё была заполнена этими запахами и ощущениями. Каждый студент, сам того не зная, носил на себе шлейф смертей, с которыми соприкасался или которыми интересовался. Один пах гарью и криком, возможно, пережил пожар. От другого тянуло затхлой водой. Третий был окружён таким плотным облаком Тьмы, что Алиса невольно отодвинулась, хотя глаза её были закрыты.

- Достаточно, - сказал Танатос через несколько минут. - Откройте глаза.

Аудитория заморгала, зашевелилась. Кто-то выглядел ошеломлённым, кто-то - разочарованным. Алиса открыла глаза и увидела, что профессор смотрит прямо на неё. Зелёные огоньки чуть прищурились, то ли одобрительно, то ли оценивающе, но он ничего не сказал. Просто кивнул каким-то своим мыслям и отвернулся.

Лекция продолжалась. Танатос разбирал случаи из истории: нарушения Этического кодекса, их последствия. Он рассказывал о некроманте, который поднял собственную жену «просто чтобы попрощаться», и о том, как эта история закончилась сожжением деревни. О студенте, который попытался поднять костяного дракона на пятом курсе, и об обрушении восточного крыла (тут Алиса вспомнила деда и чуть не улыбнулась). О маге, который решил, что он сильнее смерти, и попытался стать личем без надлежащей подготовки, «результат был... поучительным», сухо заметил Танатос, и Алиса могла поклясться, что скелет-подставка чуть заметно поёжился.

- Домашнее задание, - объявил Танатос под конец. - К следующей лекции прочитать первые три главы Этического кодекса и написать эссе на тему: «Где проходит граница между допустимым использованием некромантии и нарушением воли усопших». Объём - не менее полутора тысяч знаков. Вопросы?

Вопросов не было. Все уже поняли, что вопросы Танатосу лучше задавать только в самом крайнем случае.

- Тогда свободны.

Студенты потянулись к выходу. Алиса собрала блокнот и карандаш и уже направилась к двери, когда профессор вдруг окликнул её:

- Морвейн.

Она замерла. Сердце пропустило удар. Однокурсники, проходившие мимо, бросали на неё быстрые взгляды - любопытные, настороженные, иногда откровенно завистливые. Алиса проводила их взглядом и повернулась к Танатосу. Тот стоял у стола со скелетами, поправляя мантию.

- Ваш дед, - произнёс он, - был способным студентом. Но он слишком старался быть незаметным, - зелёные огоньки прищурились. - Незаметный некромант - мёртвый некромант. Учитесь быть заметной правильно.

Алиса кивнула. Она уже слышала эту фразу вчера, но сейчас она прозвучала как-то иначе, не как предупреждение, а как напутствие.

- Я поняла, - сказала она.

- Хорошо. Идите. И постарайтесь не попасться на глаза лорду Блэквуду раньше завтрашнего практикума, - добавил Танатос почти буднично. - Он терпеть не может, когда первокурсники выглядят так, будто уже всё знают.

Алиса чуть склонила голову и вышла. В коридоре её уже поджидала Мира, растрёпанная и слегка подпалённая. Кажется, первый эксперимент нового дня уже состоялся.

- Ну как? - подскочила она, хватая Алису за рукав. - Много задал? Сильно пугал? А я пока тебя ждала, довела до ума портативный искрогаситель. Ну, почти довела. Он пока не столько гасит искры, сколько создаёт новые, но это временно!

- Временно, - эхом отозвалась Алиса, пряча усмешку. - А ты что здесь делаешь? У тебя разве нет своих занятий?

- Есть, но они скучные! А у тебя впереди обед, и я подумала, что надо же тебе показать дорогу в столовую.

- Ладно, веди, - вздохнула Алиса, и они направились по коридору. Впереди был обед, а завтра - совместный практикум.

«Интересно, - подумала она, - а этот ваш Этический кодекс распространяется на боевых магов? Если собеседник хамит - имеешь право развоплотить. Вежливо. Надо будет уточнить у профессора».

Но это завтра. А сегодня её ждёт обед с соседкой, которая обещает, что её искрогаситель «почти безопасен». Почти. Алиса начинала привыкать к этому слову.

Глава 4. Полигон и первая стычка

Утро началось с того, что артефактный череп на тумбочке забыл анекдот про некроманта и скелета в третий раз подряд, а Мира, даже не открывая глаз, запустила в него подушкой и попала в собственный верстак. Что-то коротко вспыхнуло и погасло, запахло палёной изолентой, и Алиса решила, что это знак: пора вставать, пока соседка не усовершенствовала что-нибудь ещё.

- У тебя сегодня боевой практикум, - пробормотала Мира из-под одеяла. - С Блэквудом. Я бы пожелала удачи, но не хочу врать.

- Спасибо за честность, - отозвалась Алиса, застёгивая мантию.

Она вышла из башни Тёмного факультета и направилась к полигону боевой магии. Утро выдалось холодным и ясным. Сентябрьское солнце золотило шпили Академии, но едва долетало до брусчатки внутреннего двора, где гулял сквозняк, пахнущий прелой листвой и магическим озоном. Светлые студенты, попадавшиеся навстречу, провожали Алису долгими взглядами, кто с опаской, кто с откровенным любопытством. Она не обращала внимания, но про себя отметила, что в столовую, пожалуй, лучше ходить с Мирой: при ней хотя бы не так пялятся.

Полигон боевого факультета располагался на западной окраине Академии, сразу за старой оружейной. Это было огромное открытое пространство, огороженное полупрозрачным силовым куполом, который переливался всеми оттенками серого, от стального до жемчужного. Внутри купола воздух дрожал, как над раскалённым песком, это гуляли остаточные следы сотен тренировочных заклинаний, впитавшиеся в землю и камень за десятилетия. По периметру высились каменные столбы, испещрённые защитными рунами, а в центре, на ровной площадке, были расчерчены белые линии - границы учебных зон.

Когда Алиса подошла, на полигоне уже собрались первокурсники. Человек сорок, светлые и тёмные вперемешку. Она узнала несколько лиц с Тёмного факультета: ту самую бледную девушку с короткими чёрными волосами, которая вчера на лекции хотела что-то сказать, но передумала; парня с тяжёлым взглядом; ещё несколько человек из аудитории. Светлые держались особняком. Золотистые и серебристые мантии целителей, белые и голубые - стихийников, медные - артефакторов. Несмотря на официальную доктрину Равновесия, толпа сама собой разделилась на два лагеря, и между ними пролегала невидимая, но ощутимая граница. Как трещина в стекле. Алиса встала с краю, ближе к тёмным, и принялась ждать. Холодный ветер трепал край мантии, и она машинально поправила герб на плече. Кто-то из светлых покосился на него и что-то шепнул соседу. Алиса сделала вид, что не заметила.

- Внимание, курсанты, - раздался низкий голос, усиленный магией, и гул голосов мгновенно стих.

На полигон вошёл лорд Дариус Блэквуд. Сегодня он был не в тёмно-красной мантии, как тогда в коридоре, а в тёмно-синем преподавательском кителе с серебряными пуговицами, высоких сапогах и лёгком кожаном доспехе, облегавшем плечи и грудь. На левом боку висел длинный меч в простых, без украшений, ножнах. Оружие не для парадов, а для боя. Двигался он скупо и точно, как человек, который привык экономить каждое движение, потому что в настоящем бою лишний взмах может стоить жизни. Шрам через левую бровь белел на утреннем свету, тёмные волосы с ранней сединой на висках были коротко, почти по-военному, острижены.

Алиса узнала его сразу - того самого мужчину, который позавчера в коридоре Тёмной башни пообещал «следить за ней особенно внимательно». И от этого узнавания внутри всё подобралось, как пружина.

Дариус остановился в центре полигона, обвёл строй курсантов тяжёлым взглядом стальных глаз. Под этим взглядом даже самые развязные светлые притихли, а уж тёмные и подавно.

- Меня зовут лорд Дариус Блэквуд, - произнёс он без всяких предисловий. - Я глава факультета боевой магии. Этот практикум совместный для всех направлений первого курса. Свет, Тьма, стихии, артефакторика, здесь нет отдельных факультетов. Здесь есть выживание, - он помолчал, давая словам осесть. - Моя задача, сделать так, чтобы вы не погибли в первом же бою. Ваша задача, не мешать мне её выполнять.

Он прошёлся вдоль строя, и Алиса заметила, как некоторые светлые студенты невольно выпрямляли спины, а тёмные, наоборот, чуть вжимали головы в плечи. Репутация Блэквуда явно летела впереди него.

- Сегодня мы начнём с базового упражнения, - продолжал он. - Боевой щит. Никаких атак, никакой нежити. Просто щит, который вы должны поставить и удержать. Я проверю каждый лично.

Он отошёл к краю площадки, где лежали деревянные тренировочные мечи, и взял один - небрежно, двумя пальцами, как будто тот ничего не весил.

- По очереди. Кто первый?

Вызвался светлый стихийник, тот самый пепельноволосый парень, который позавчера у Врат Спектра рассказывал анекдот про лича. Он вышел в центр, широко улыбаясь, и поставил щит - золотистый, яркий, похожий на натянутый шёлк. Дариус подошёл, осмотрел щит, потом коротко, без замаха, ударил по нему мечом. Щит выдержал, прогнувшись, но не лопнув.

- Приемлемо, - бросил Блэквуд. - Следующий.

Он проверял студентов одного за другим - быстро, методично, без лишних комментариев. Светлые щиты он хвалил скупо, тёмные разбивал чаще, но Алиса заметила, что дело было не в цвете. Он обращал внимание на структуру: на то, как сплетены силовые линии, как распределена нагрузка. Тем не менее, когда очередь дошла до бледной девушки с Тёмного факультета и её серый, чуть дымчатый щит рассыпался от первого же прикосновения, Блэквуд не сказал ни слова, просто молча перешёл к следующему.

- Морвейн, - произнёс он, и голос его прозвучал ровно, но с какой-то едва уловимой жёсткостью, которой не было с другими.

Алиса вышла в центр площадки. Ветер стих, или ей показалось. Она чувствовала на себе взгляды - любопытные, насторожённые, чьи-то даже злорадные. Слух о «чёрном с серебром» явно докатился и до светлых факультетов. Она встала напротив Дариуса, встретила его тяжёлый взгляд и не отвела глаз. Вблизи он казался ещё выше, ещё шире в плечах. Шрам на брови был старым, но глубоким. Пахло от него озоном и чем-то ещё, горьковатым, как полынь. Боевая магия, въевшаяся в кожу.

- Щит, курсант, - сказал он. - Живо.

Алиса вдохнула, потянулась к дару, и Тьма откликнулась сразу, сильно, как приливная волна. Она сплела щит: плотный, слоистый, с тёмным, почти чёрным отливом, по которому пробегали серебряные прожилки. Щит вышел прочным, она знала это, чувствовала. Он мог бы выдержать удар боевого заклинания, не то что деревянного меча.

Дариус шагнул ближе. Он не стал бить мечом, просто протянул руку и коснулся щита ладонью. Алиса увидела, как его пальцы на мгновение окутались серым свечением - боевая магия, нейтрализующая, и щит рассыпался с тихим хлопком, как мыльный пузырь.

- Неприемлемо, - произнёс он.

В груди у Алисы вспыхнула искра злости, которую она тут же задавила. Лицо осталось спокойным. Морвейны приучили её держать маску.

- Почему? - спросила она ровно.

Он чуть приподнял бровь, ту самую, со шрамом.

- Тёмный щит впитывает удар, а не отражает. Вы ставите барьер, который держит силу внутри себя. В реальном бою это означает, что после второго или третьего попадания ваш щит лопнет, а вы получите весь накопленный урон одновременно, - он говорил холодно, без эмоций, как будто зачитывал диагноз. - Вы труп, курсант Морвейн. Переделайте.

Алиса почувствовала, как по толпе пробежал шепоток. Кто-то из светлых едва слышно хмыкнул. Захотелось обернуться и посмотреть, кто именно, но она не стала.

- Щит держит удар, - произнесла она сквозь зубы. - Цвет не имеет значения.

Дариус чуть сощурился, и она увидела, как на его скулах заходили желваки.

- Цвет имеет значение, потому что за ним стоит механика. Светлый щит отражает, тёмный поглощает. Это азбука, курсант. Азбуку вы должны были выучить до поступления, - он говорил медленно, почти по слогам, и в его голосе прорезалось что-то, от чего у Алисы внутри всё сжалось. Не презрение. Хуже. Убеждённость в том, что она опасна по определению, просто потому, что её магия - Тьма. - Вы не на сельской ярмарке. Здесь ошибки стоят жизни. Вашей или чужой.

- Я знаю цену ошибки, - сказала Алиса прежде, чем успела себя остановить. - Мне объясняли это с пяти лет. И мой щит держит. Если бы вы ударили по-настоящему, а не этой зубочисткой, вы бы в этом убедились.

По полигону прокатилась волна потрясённой тишины. Кто-то ахнул, кто-то нервно хохотнул и тут же осёкся. Дариус смотрел на неё в упор, и в его глазах на мгновение мелькнуло что-то, похожее на ярость, но тут же исчезло, сменившись ледяным спокойствием.

- Переделайте, - повторил он. - Сейчас.

Алиса переделала. На этот раз она поставила щит, который был ближе к нейтральному - серый, с лёгким серебристым отблеском, способный частично отражать, частично поглощать. Дариус оглядел его, коснулся, щит выдержал. Он коротко кивнул и перешёл к следующему студенту, как будто ничего не произошло. Но Алиса знала: произошло. И он это запомнил так же, как и она.

Она вернулась на своё место на краю площадки, чувствуя на себе взгляды. Бледная девушка с Тёмного факультета посмотрела на неё с откровенным восхищением, смешанным с ужасом. Светлые перешёптывались. Алиса стояла, выпрямив спину, и смотрела перед собой, но мысли метались, как птицы в клетке. Она перешла черту. Она знала это. Но отступать было не в её привычках.

Практикум продолжался ещё около часа. Отрабатывали базовые стойки, учились держать щит под разными углами, меняли форму барьера. Дариус ходил между рядами, поправлял, делал короткие замечания, всегда по делу, всегда холодно. К Алисе он больше не подходил, но она чувствовала его взгляд на себе ещё несколько раз - тяжёлый, оценивающий. Наконец, когда солнце поднялось выше и тени стали короче, Блэквуд объявил конец занятия и ушёл с полигона первым, не прощаясь. Дисциплина у него была военная: пришёл, сделал дело, ушёл. Курсанты потянулись к выходу. Алиса нарочно замешкалась, поправляя манжету, и услышала обрывки разговоров.

- … говорю тебе, она чудом не вылетела! «Зубочисткой» его назвала! Блэквуда! - светлый стихийник возбуждённо жестикулировал перед товарищем.

- Он её ненавидит, - ответил тот. - Ты видел, как он на неё смотрел? Как на ту тварь, что его отряд…

- Тихо ты! - стихийник понизил голос, но Алиса всё равно расслышала. - Не здесь. Но да, я слышал эту историю. «Серебряные клинки», засада, некромант-ренегат. Он единственный выжил. Говорят, с тех пор он всех тёмных на дух не переносит.

- А она ещё и Морвейн. У неё на лбу написано: «проблема». Спорим, до конца семестра не дотянет?

Алиса дослушала ровно до этого места и двинулась вперёд, нагнав говоривших. Они заметили её и мгновенно замолчали, отводя глаза. Алиса прошла мимо с каменным лицом, но внутри у неё всё кипело. Значит, вот оно что. «Серебряные клинки». Засада. Некромант-ренегат. И теперь любой тёмный маг для него - личный враг.

«Лорд Блэквуд смотрел на меня так, будто я лично съела его ручного хомяка, - подумала она, сжимая кулаки в карманах мантии. - Интересно, а кони у него были? Судя по выражению лица, как минимум любимый конь. И возможно, завтрак».

Это была её защитная реакция - юмор, чёрный, как её дар. За смехом прятать обиду. За дерзостью - уязвимость. Но сейчас даже юмор не спасал. Она только что нажила себе врага. Не просто строгого преподавателя, а человека, который потерял всё по вине того, кто владел такой же магией, как она. И он будет следить за ней. Придираться. Ждать ошибки. Что ж. Пусть ждёт. Ошибок она делать не собиралась.

На входе в башню её догнала та самая бледная девушка с короткими чёрными волосами. Она запыхалась, как будто бежала, и нервно теребила край мантии.

- Курсант Морвейн, - выпалила она. - Можно на минутку?

Алиса остановилась, оглядела её. Девушка была худая, с тонкими чертами лица и тёмными кругами под глазами, то ли не спала, то ли просто такая конституция. Но взгляд был цепкий, умный.

- Да? - сказала Алиса.

- Я хотела сказать… - девушка запнулась. - То, что вы там, с Блэквудом… Это было храбро. То есть глупо, но храбро.

- Благодарю, - сухо ответила Алиса. - Я знаю, что глупо.

- Вы не знаете, - девушка понизила голос. - Про его отряд. «Серебряные клинки». Пять лет назад их предал некромант. Не просто убил, заманил в ловушку, использовал тёмную магию, осквернил… В общем, Блэквуд был единственным, кто выбрался живым. Он с тех пор не в себе, когда видит кого-то с Тьмой. Вас это касается напрямую. Я просто хотела предупредить. Будьте осторожны.

- Я Морвейн, - ответила Алиса, встретив её взгляд. - Меня предупреждали об осторожности с тех пор, как я научилась ходить. Но спасибо.

Девушка кивнула и быстро ушла, а Алиса осталась стоять в коридоре, привалившись плечом к холодной каменной стене. История Блэквуда обретала плоть. Не просто «герой войны». Не просто «строгий преподаватель». Человек, переживший ад и вынесший оттуда ненависть ко всему, что она собой олицетворяла.

«И что мне теперь делать?» - спросила она себя. Ответа не было. Только холод камня под лопатками да далёкий шёпот мёртвых за стенами Академии, которые сегодня, кажется, тоже обсуждали её стычку с Блэквудом.

Она отлепилась от стены и зашагала дальше. Нужно было найти Миру и выяснить, от чего сегодня пахло палёной изолентой. А заодно спросить, не знает ли та чего-нибудь о «Серебряных клинках». Мира была артефактором, а артефакторы, как известно, знают всё.

В комнате стоял запах гари и триумфа. Мира сидела на полу, скрестив ноги, и с довольным видом протирала закопчённую медную трубку. Верстак дымился, но на сей раз, кажется, ничего не взорвалось.

- Ты вовремя! - обрадовалась Мира. - Я тут модернизировала Дему, теперь он не дымится! Ну, почти. А ты чего такая мрачная? Что, Блэквуд уже довёл?

- Он разбил мой щит, - Алиса села на кровать. - И сказал, что в реальном бою я труп.

- Обычное дело. Он всем так говорит. Ну, почти всем. Светлым он говорит «приемлемо», а тёмным - «труп». Это у него такое чувство юмора.

- Нет, - Алиса покачала головой. - Он смотрел на меня так, будто я лично командовала той засадой, где погиб его отряд.

Мира отложила трубку и подняла глаза. Весёлое выражение исчезло с её лица.

- Ты уже знаешь про «Серебряные клинки»?

- Только что узнала. В общих чертах. Расскажи.

Мира вздохнула, поправила растрёпанные косички и села на кровать напротив.

- Пять лет назад, во время Пограничной войны, был элитный отряд - «Серебряные клинки». Лучшие из лучших. Боевые маги, целители, артефакторы, всего двенадцать человек. Командовал ими капитан Блэквуд. Они выполняли секретную миссию в горах, что-то связанное с древним захоронением. И нарвались на засаду. Некромант-ренегат, который называл себя Морте, заманил их в ловушку, использовал запрещённые ритуалы, поднял целое кладбище. Их убивали одного за другим. Блэквуд был последним. Он выбрался только потому, что Морте решил поиграть с ним, оставить в живых, чтобы тот «запомнил», - Мира помолчала. - С тех пор Блэквуд не выносит тёмную магию. Вообще. Говорят, он пытался лечиться, работал с менталистами, но ничего не помогает. Каждый раз, когда он видит сильного некроманта, его накрывает.

Алиса сидела молча. Картинка складывалась. Она понимала его. Понимала и всё равно не могла принять. Потому что не была Морте. Не была ренегатом. Но для Блэквуда она была просто «одной из них». И сегодняшняя стычка только подтвердила это в его глазах: дерзкая, самоуверенная, опасная.

- Знаешь, - сказала она наконец, глядя в потолок, - когда он разбил мой щит, мне захотелось спросить у него что-нибудь про хомяка.

- В каком смысле? - не поняла Мира.

- Он смотрел на меня так, будто я лично съела его ручного хомяка. Захотелось спросить рецепт.

Мира моргнула. Потом фыркнула. Потом захохотала - громко, заливисто, как она одна умела.

- Ты ненормальная, Морвейн, - выдавила она сквозь смех. - Совершенно ненормальная.

- Я в курсе, - Алиса позволила себе улыбнуться, кривовато, но искренне. - Ладно. Что там с твоим Демой? Он хотя бы пищать перестал?

- О, он теперь пищит мелодичнее! - оживилась Мира. - В смысле, я настроила его на три октавы, теперь он не просто орёт, а издаёт аккорд. Ре-минор. Очень трагично.

- Как раз подходит к моему настроению.

Они проговорили до вечера. Мира рассказала о своих новых проектах (включая «автоматический гаситель возгораний», который пока только усугублял возгорания), а Алиса молча переваривала услышанное за день. Перед сном она снова стояла у окна и смотрела на кладбище за восточной стеной. Шёпот мёртвых был тихим, почти ласковым. «Ты не одна, - казалось, говорили они. - У тебя есть союзники. Только смотри, не пропусти их». Она думала о Дариусе Блэквуде. О его шраме, о его глазах, в которых на секунду мелькнула ярость, о том, как он сказал: «Вы труп, курсант Морвейн». Она не боялась его. Но что-то в этом человеке задевало её глубже, чем ей хотелось бы признать. Может быть, то, что он видел в ней врага, хотя она им не была. Может быть, то, что она видела в нём не только врага.

«Глупости, - оборвала она себя. - Завтра у меня библиотека. Надо готовиться к зачёту по истории магии. Думать о Блэквуде - непозволительная роскошь».

Но когда она легла в постель и закрыла глаза, перед мысленным взором всё равно стояло его лицо - холодное, с тенью старой боли в серых глазах. А артефактный череп на тумбочке вдруг ожил и скрипуче произнёс:

- Знаешь анекдот про некроманта и боевого мага?.. Забыл.

- Я тоже, - прошептала Алиса в темноту. - Но, кажется, я скоро его услышу.

Глава 5. Библиотека

После вчерашней стычки с Блэквудом и разговора с Мирой Алиса спала плохо. Мёртвые за окном шептались громче обычного, артефактный череп на тумбочке в четвёртый раз забыл анекдот про некроманта и скелета, а перед глазами то и дело всплывало лицо Дариуса - холодное, с тенью старой боли в стальных глазах. «Вы труп, курсант Морвейн». Она прекрасно понимала, что он имел в виду только щит, только боевую механику, только учебный процесс, но фраза засела занозой и не вытаскивалась.

Утром она встала рано и, пока Мира дрыхла, уткнувшись лицом в чертёж какого-то нового устройства, собрала сумку и вышла. Занятий сегодня не было, первый свободный день, и Алиса решила пойти в библиотеку. До зачёта по истории магии оставалось три недели, а она ещё даже не открыла учебник.

Библиотека Академии Спектра располагалась в отдельном здании, соединённом с главным корпусом крытой галереей. Это была внушительная круглая башня с высокими стрельчатыми окнами, сквозь которые лился бледный сентябрьский свет. Внутри пахло старой бумагой, воском и магией, тем особым запахом, который бывает только в очень старых и очень магических книгах. Стеллажи уходили вверх на четыре этажа, соединённые винтовыми лестницами и узкими балкончиками. Книги стояли плотными рядами, некоторые были прикованы к полкам серебряными цепочками, а некоторые, заметила Алиса, слегка светились в полумраке и чуть заметно шевелили страницами - запретная секция, которую нужно было не просто открыть, а уговорить. В главном зале стояли длинные столы, за которыми уже сидели студенты. Светлые в золотистых, серебристых и голубых мантиях занимали левую половину. Тёмные в чёрных с серебром занимали правую. Между ними пролегал пустой ряд столов, как нейтральная полоса.

Алиса нашла свободное место на правой стороне, положила сумку и направилась к каталогу. Он представлял собой огромный шар из матового стекла, парящий над мраморной чашей. Нужно было назвать тему, автора или ключевое слово и шар загорался изнутри, высвечивая номера стеллажей и полок.

- История магии, первый курс, базовый учебник, - произнесла Алиса вполголоса.

Шар замерцал и выдал номер. Стеллаж семнадцать, полка третья, сектор «Общая история». Алиса развернулась и пошла между стеллажами, ведя пальцем по корешкам. Книги здесь были старые, в кожаных переплётах, с золотым тиснением и магическими замками. Некоторые, когда она проходила мимо, чуть приоткрывались и выпускали тонкие струйки света или дыма. Одна тихо всхлипнула. Алиса поспешила пройти мимо, с запретной секцией ей пока связываться не хотелось. Она нашла нужный учебник, толстый фолиант в тёмно-зелёном переплёте, «История магии: от Основания до Современности», и уже потянулась к нему, когда из-за стеллажа раздался оглушительный грохот. Алиса обернулась. На полу, между двумя стеллажами, лежала груда книг, а рядом, на коленях, сидел парень в золотистой мантии целительского факультета и беспомощно пытался собрать рассыпавшиеся тома. Светлые, пушистые волосы торчали во все стороны, очки в тонкой металлической оправе съехали на кончик носа. Мантия была помята, а из карманов торчали бинты, флаконы с настойками и пучки каких-то трав. Он поднял голову, встретился взглядом с Алисой и густо покраснел.

- Извините, - пробормотал он, хватая книги. - Я не специально. То есть специально, но не специально уронил. Я хотел их взять.

Он взмахнул рукой, явно пытаясь применить какое-то заклинание, чтобы поднять книги разом, и Алиса увидела, как из его пальцев вырвался слабый золотистый свет, который вместо того чтобы подхватить тома, заставил их взмыть в воздух, описать беспорядочную дугу и снова рухнуть на пол. При этом на обложках, на полу и, кажется, даже на самом парне остались

перламутровые блёстки. Алиса приподняла бровь. Зрелище было настолько нелепым, что она не сразу нашлась, что сказать.

- Вы целитель, - произнесла она наконец.

- Я знаю, - убитым голосом ответил парень. - Это ничего не меняет.

- Заклинание левитации базовое. Его дают на втором занятии.

- Я был на втором занятии. И на третьем. И на четвёртом, - он снял очки, протёр их краем мантии, отчего они стали ещё грязнее, и водрузил обратно. - Заклинание работает. Просто... не с теми вещами, с какими я хочу.

Алиса посмотрела на книги, которые он безуспешно пытался поднять, на блёстки, медленно оседавшие на пол, на его отчаянное выражение лица и сама, не зная почему, наклонилась и подняла с пола несколько томов.

- Давайте помогу, - сказала она.

Парень уставился на неё так, будто она предложила ему не книги поднять, а дракона приручить. Голубые глаза за толстыми стёклами очков были большими и немного испуганными.

- Вы... вы серьёзно? - он торопливо вскочил и начал подбирать остальные тома. - Спасибо. Я очень благодарен. Я Киран. Киран Аддерли. Первый курс, целительство.

- Алиса Морвейн, - ответила она ровно, складывая книги стопкой. - Боевая некромантия.

Она ожидала обычной реакции: страх, отстранение, нервный смешок. Но Киран вместо этого замер, а потом его лицо озарилось чем-то похожим на облегчение.

- Морвейн! - выдохнул он. - Я читал о вашей семье. В смысле, не в жёлтой прессе, а в нормальных книгах. Морвейны - образцовые некроманты. Ваш отец возглавляет департамент посмертной магии, а мать - артефактор с безупречной репутацией. Я читал её статью о защитных амулетах против нежити! Это внушает уважение.

Алиса моргнула. Такой реакции она не ожидала совершенно. Обычно её фамилия внушала что угодно - страх, презрение, нездоровое любопытство, но не уважение. И уж точно не такое искреннее.

- Вы странный целитель, - сказала она, не подумав.

- Я знаю, - вздохнул Киран. - Я вообще странный. Мой дар слишком слабый. Меня даже на факультет взяли с испытательным сроком. Если я не сдам первый зачёт по базовому исцелению, меня отчислят, - он поправил очки и посмотрел на неё с такой обезоруживающей честностью, что Алиса почувствовала укол чего-то, похожего на сочувствие. - Но я хочу стать настоящим целителем. Доказать, что слабый дар, это не приговор.

- Зачем? - спросила Алиса. - Зачем вам это, если дар слабый? Можно было выбрать другую профессию. Не связанную с магией.

Киран помолчал, теребя край мантии. Блёстки на его плечах медленно гасли, но оставляли после себя едва заметное свечение.

- У меня была младшая сестра, - сказал он тихо. - Она умерла пять лет назад. Болезнь, которую можно было исцелить магией. Но в нашем городе не было сильного целителя, - он поднял глаза. - Я не спасу всех. Я даже не уверен, что спасу хоть кого-то. Но если я смогу спасти хотя бы одного человека, такого, какой была она, это будет стоить того.

Алиса молчала. Она знала, каково это, когда тебя осуждают за то, что ты не выбирал. Когда твой дар - не награда, а бремя. Когда все вокруг считают тебя либо чудовищем, либо неудачником. И этот парень, с его нелепыми блёстками и вечно падающими книгами, знал это тоже.

- У вас треснутое стекло, - сказала она, кивая на его очки. - Почему не почините?

- Пробовал, - Киран грустно улыбнулся. - Заклинание ремонта оставило на стекле радужные разводы, и я перестал видеть вообще. Пришлось возвращать как было. Теперь это моя фишка. Треснутое стекло - символ моего упорства.

- Скорее символ вашего безрассудства, - хмыкнула Алиса.

- Ну, это тоже.

Они стояли между стеллажами, разделённые стопкой книг, и Алиса вдруг поймала себя на мысли, что не хочет уходить. Этот нескладный парень был первым светлым магом, который не смотрел на неё как на потенциальную угрозу. Он смотрел как на человека. И это было так неожиданно, что она почти растерялась.

- Вы готовитесь к зачёту по истории магии? - спросила она, указывая на его учебники.

- Да. А вы?

- Тоже.

Они переглянулись.

- Может, - начал Киран и осёкся, - может, будем готовиться вместе? Я хорошо знаю теорию Света. Светлые аспекты, баланс, целительные разделы. А вы, наверное, отлично разбираетесь в тёмных аспектах? Некротические раны, работа с посмертными следами?

- Разбираюсь, - подтвердила Алиса. - С пяти лет.

- Вот! - Киран просиял так, что блёстки на его плечах вспыхнули с новой силой. - Вы поможете мне с тёмными аспектами, а я вам со светлыми! Некроманты ведь тоже должны знать теорию Света для баланса?

- Должны, - признала Алиса.

- Ну вот! Идеальное партнёрство!

Алиса хотела сказать «нет». Она привыкла работать одна. Одиночество было её щитом, такой же частью образа, как безупречно сидящая мантия и острый язык. Но сегодня этот щит почему-то не хотел подниматься. То ли виной тому был вчерашний разговор с Мирой, то ли усталость от войны с Блэквудом, то ли просто этот парень с его треснутыми очками и искренней улыбкой.

- Ладно, - сказала она. - Давайте попробуем. Но если вы ещё раз рассыплете блёстки на мой блокнот, я натравлю на вас Блэквуда.

- Кого? - не понял Киран.

- Неважно. Долгая история.

Они перебрались за стол. Киран нёс учебники, спотыкаясь о каждую вторую ступеньку, и один раз чуть не уронил всю стопку в каталог, но Алиса вовремя подхватила. За столом они разложили книги и углубились в историю магии. Киран действительно хорошо знал светлую теорию: он рассказывал об Архимаге Урсуле, об основании Академии, о первых попытках создать Доктрину Равновесия, об этом Алиса знала из семейных хроник. Но он знал и то, чего она не знала: о вкладе светлых магов в ту же Доктрину, о первых целителях, работавших с некромантами на полях сражений, о том, как Свет и Тьма могут дополнять друг друга, а не только враждовать. Алиса, в свою очередь, объясняла ему тёмные аспекты: как читать некротические следы, как распознавать посмертные иллюзии, как отличить настоящего духа от наведённого морока. Киран слушал, открыв рот, и даже забывал записывать. Когда Алиса вскользь упомянула, что некротические раны лучше всего лечить не чистым Светом, а сочетанием Света и Тьмы, он чуть не подпрыгнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.